
ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПРОЕКЦИЯ ГЛОБАЛИЗАЦИИ В ЕВРОПЕЙСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

К. А. Валиева

Статья посвящена анализу европейского варианта процесса глобализации. По мнению автора, политическим проявлением глобализации в европейском пространстве является ставший реальностью проект Европейского союза и протекающий в его рамках процесс многоуровневой интеграции, которая привела к трансформации традиционного восприятия государственного суверенитета. В современной Европе изменение роли государств-наций под воздействием глобализации и усиления наднационального фактора проявилось с особой силой в двух направлениях. Во-первых, наблюдается процесс усиления надгосударственной федерализации в рамках ЕС, когда государства, его составляющие, фактически «делятся» частями своего суверенитета с наднациональными органами ЕС. Во-вторых, развитие регионализации, то есть параллельно и вследствие процесса «размывания» государственного суверенитета «сверху» в рамках ЕС наблюдается та же тенденция, протекающая уже «снизу», со стороны административных и исторически сложившихся регионов внутри национальных государств-членов ЕС.

Глобализация «по-европейски»

Современный мировой политический процесс развивается в тесном соотношении и взаимодействии тенденций интернационализации, глобализации и международной интеграции. Если глобализация как непрерывный исторический процесс есть пространственная характеристика интернационализации экономического, политического, культурного и других аспектов жизни общества, усилившейся на том историческом этапе (вторая половина XX в.), когда интернационализация приобрела всемирный охват и достигла предельного развития, то международные интеграционные процессы представляют собой наивысшую на сегодняшний день ступень интернационализации и глобализации хозяйственной жизни. Интеграция как подсистема глобализации есть нарастающая экономическая взаимозависимость двух или нескольких стран, перешедшая в сращивание национальных рынков товаров, услуг, капиталов и рабочей силы и формирование целостного полигосударственного социально-экономического организма с единой валютно-финансовой, правовой системой и теснейшей координацией внутри- и внешнеэкономической политики государств-членов. По многим причинам такой уровень достижим пока лишь в наиболее развитых регионах мира и, следовательно, ограничен региональными рамками. Таким образом, если глобализация – это стадия предельно возможного развития интернационализации вширь, то интеграция – наивысшая ступень развития ее вглубь¹.

¹ Шишков, Ю. В. Европа и процессы глобализации экономики // Современная Европа. – 2000. – № 1 // Интернет-ресурс. Режим доступа: <http://www.ieras.ru/journal/journal1.2000/4.htm> (Shishkov, Yu. V. Europe and
Век глобализации 1/2009 98–107

Развитие и углубление вышерассмотренных тенденций мирового политического процесса придало современному миру совершенно новое качество. В наши дни основой мировой политики уже не являются исключительно отношения между государствами. Многообразие участников, видов и каналов взаимодействия между ними вытесняет их из центра международного общения, способствует трансформации такого общения из «интернационального» (межгосударственного) в «транснациональное» (осуществляющееся помимо и без участия государств). Таким образом, в реконструкции традиционной системы международных отношений и трансформации роли ее доминирующих субъектов – государств-наций – проявляется политический аспект глобализации. Меняется традиционное восприятие роли государства и значения его формального атрибута – государственного суверенитета. В этих условиях в современной политической науке отмечается резкий подъем интереса к проблеме трансформации («кризиса» или «девальвации») государственного суверенитета.

Политическим проявлением процесса глобализации в европейском пространстве является ставший реальностью проект Европейского союза и протекающий в его рамках процесс многоуровневой интеграции. В современной Европе изменение роли государств-наций под воздействием глобализации и усиления наднационального фактора проявилось с особой силой в двух направлениях. Во-первых, наблюдается процесс усиления надгосударственной федерализации в рамках ЕС, когда государства, его составляющие, фактически «делятся» частями своего суверенитета с наднациональными органами Евросоюза. Во-вторых, развитие регионализации, то есть параллельно и вследствие процесса размывания государственного суверенитета «сверху» в рамках ЕС наблюдается такая же тенденция, происходящая уже «снизу», со стороны административных и исторически сложившихся регионов внутри национальных государств ЕС.

Федерализм и регионализм в Европе

Многообразие факторов, влияющих на интеграционный процесс в Европе, определяет его диалектическую природу. Подчиняясь центробежным и центростремительным силам, процесс европейского объединения демонстрирует внешне противоречивое явление одновременной наднациональной федерализации и внутригосударственной регионализации (в ряде западноевропейских государств протекающей в форме внутригосударственной федерализации). Это исключительно западноевропейский феномен, возможность и необходимость появления которого вероятны только при условии существования высокого уровня внутренней интегрированности.

В современной Европе сложилась многоуровневая политика, которая включает три относительно самостоятельных центра власти: «наднациональный» (Евросоюз), «национальный» (государства-члены) и «субнациональный» (органы регионального управления). При этом если федерализация на европейском уровне – это модель интеграции, то на внутригосударственном уровне – это форма дезинтеграции. В этой связи существенен вопрос о перспективе евроинтеграции: насколько реальна концепция «Европа регионов», не заменяют ли регионы национальные государства в условиях общей надгосударственной федерализации Европы?

Регионализация в Европе не проходит сама по себе. Она тесно связана с базовым по отношению к ней процессом надгосударственной федерализации и во многом является ее внешне парадоксальным последствием. То есть европейская политика федерализации в значительной степени стимулирует процесс внутригосударственной дезинтеграции в государствах-членах. Во многих из них регионы требуют и добиваются юридического закрепления и фактического предоставления большого круга полномочий и предметов ведения внутри государства, в том числе относительно финансовых, налоговых и бюджетных вопросов, а также права выхода на международную арену. Это приводит к тому, что регионы как субнациональные единицы евроинтеграции, превращаясь в относительно самостоятельные акторы европейской политики, стимулируют рост тенденций к региональной автономизации и федерализации унитарных государств².

В целом, говоря о тенденции к внутреннему обособлению, образованию автономий в государствах, можно выделить три категории западноевропейских стран. В первую входят собственно федерации: Германия, Австрия, Швейцария и Бельгия. Во вторую группу включаются государства, содержащие в своем составе автономии, или государства федерализирующиеся. В свое время этот термин употреблялся в отношении Бельгии, где процесс федерализации прошел основные стадии и был завершен реформой 1994 г. К таким «региональным государствам» относятся Испания и Италия, в которых полномочия законодательной власти по некоторым вопросам были переданы на более низкий государственный уровень. Более того, испанские провинции Каталония, территория басков, Андалузия и другие обладают частичным суверенитетом как субъекты федерации и могут принимать участие в межрегиональном сотрудничестве с другими европейскими государствами, в том числе и с субъектами федерации. Наконец, в третью группу входят унитарные государства, проводящие политику децентрализации. К ним относятся Франция, Португалия, Великобритания³.

Началом масштабной региональной политики ЕС следует считать создание в 1975 г. одного из основных инструментов региональной политики – Европейского фонда регионального развития, занимающегося распределением вкладов членов ЕС в общий бюджет между проектами, реализуемыми в наиболее отсталых регионах. Маастрихтский договор 1992 г. задекларировал политику выравнивания состояния регионов в странах ЕС как один из главных приоритетов Европейского союза наряду с общим рынком и валютным союзом. Кроме того, в этот период были окончательно сформированы финансовые инструменты для политики регионов, которые включали в себя структурные фонды и специализированные программы (ISPA, SAPARD, PHARE и т. д.).

Учреждение Комитета регионов, утверждение принципа субсидиарности⁴ в соответствии с Маастрихтским договором и новые меры по развитию межрегио-

² Китинг, М. Новый регионализм как возможность // Россия в глобальной политике. – 2008. – № 4 // Интернет-ресурс. Режим доступа: www.globalaffairs.ru/numbers/33/997.html (Keating, M. The new regionalism as an opportunity // Russia in global policy. – 2008. – No. 4 // Internet resource. Accessed: www.globalaffairs.ru/numbers/33/997.html).

³ Косов, В. В. Процесс федерализации в Западной Европе: миф или реальность? // Вестник Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского // Интернет-ресурс. Режим доступа: <http://www.unn.ru/rus/books/vestnik3/stat18.htm> (Kosov, V. V. Process of federalization in Western Europe: myth or reality? // Bulletin of N. I. Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod // Internet resource. Accessed: <http://www.unn.ru/rus/books/vestnik3/stat18.htm>).

⁴ Принцип субсидиарности подразумевает, что управление осуществляется на возможно более низком уровне, когда это целесообразно; при этом европейский уровень выступает как дополнительный по отноше-

нального сотрудничества, финансируемого из структурных фондов, стали важными шагами в развитии политики регионализации⁵. В связи с усилением регионализма новым (субнациональным) содержанием наполняется и принцип субсидиарности, закрепленный Маастрихтским договором и лежащий в основе внутреннего устройства Евросоюза. Следует отметить, что в сфере управления принцип субсидиарности значительно легче и полнее воспринимается в федеративных, чем в унитарных государствах. Следовательно, отношение к его применению в значительной степени зависит от правовой и управленческой культуры, традиций европейских государств и общего подхода того или иного государства-члена к интеграции и прежде всего надделению институтов ЕС наднациональными полномочиями⁶. Поэтому для Германии и Франции субсидиарность означает возможность сделать центр достаточно эффективным, действенным проводником общей политики. В свою очередь Великобритания усматривает в принципе субсидиарности возможность ограничить развитие наднациональных начал, подчеркнуть приоритет суверенных прав государств-членов.

Важно отметить, что в Маастрихтском договоре, утвердившем принцип субсидиарности, региональный уровень вообще не упоминается, речь идет лишь о европейском уровне и государствах-членах. Несмотря на это, на основе этого принципа решаются прежде всего региональные проблемы. Регион является важным уровнем в многослойной структуре Евросоюза, поскольку на каком бы из этажей власти союза ни принимались решения, реализуются они непосредственно в том или ином регионе. Таким образом, «принцип субсидиарности способствует развитию наднациональной федерализации. То есть применение принципа субсидиарности делает национальные и субнациональные границы более “проницаемыми” для наднациональных политических решений, преодоление границ происходит “сверху” – со стороны Евросоюза и “снизу” – со стороны европейских регионов»⁷.

Кроме того, единый рынок позволяет внутригосударственным регионам ЕС играть более активную и самостоятельную роль во внешнеэкономических связях. Одновременно происходит и процесс освобождения политических сил регионов от контроля со стороны национальных правительств. Укрепляется идея необходимости внедрения налогового федерализма во всех европейских государствах, в том числе и унитарных. Кроме того, благодаря Комитету регионов ЕС и Конгрессу региональных и местных властей Европы регионы имеют свой постоянный форум, посредством которого их голос и позиция могут быть услышаны на общеевропейском уровне и получить широкий резонанс⁸.

нию к национальному. (The principle of subsidiarity means that control is exercised probably at the lower level when it is appropriate; at the same time the European level acts as an additional one in relation to national).

⁵ Kazım, T. Federal Avrupa veya bölgelerin Avrupası // Yerel Yönetim ve Denetim. – 2005. – Ağustos. Cilt 10, Sayı 8. – S. 23–25.

⁶ Özcan, M. Subsidiarite ilkesinin AB’de uygulanması // The Journal of Turkish Weekly // Интернет-ресурс. Режим доступа: <http://www.turkishweekly.net/turkce>

⁷ Хохлов, И. И. Наднациональность в политике Европейского Союза. – М., 2007. – С. 64–64. (Khohlov, I. I. Supranationality in the policy of the European Union. – Moscow, 2007. – P. 64–64).

⁸ См., например: Бусыгина, И. М. Регионализация в странах Западной Европы: Великобритания и Франция в сравнительной перспективе // Интернет-ресурс. Режим доступа: <http://www.kazanfed.ru/publications/kazanfederalist/n21-22/4/> (See, for example: Busygina, I. M. Regionalization in Western European countries: Great Britain and France in comparative perspective // Internet resource. Accessed: <http://www.kazanfed.ru/publications/kazanfederalist/n21-22/4/>)

Центробежные тенденции сохраняются и в сегодняшней, казалось бы, стабильной Западной Европе, где есть более десятка тлеющих сепаратизмом регионов. Что касается Восточной Европы, здесь распад многонациональных государств в начале 90-х гг. (Югославии и Чехословакии) спровоцировал резкое оживление центробежных тенденций, местами сопровождавшихся кровопролитными войнами. В целом дезинтеграция охватывала отдельные государства и выражалась в юридическом оформлении их распада. Примером может служить судьба Чехословакии, которая в результате так называемого «бархатного развода» («velvet divorce») распалась на два государства.

Примером радикального и неуправляемого конституционного конфликта стал распад Югославии. Он был обусловлен тем, что в условиях отсутствия однородного гражданского общества при наличии различных и противостоящих друг другу исторически идеологических и социокультурных традиций процесс национального самоопределения приобрел форму межгосударственного противостояния. Эти тенденции нашли выражение в создании партий по этническому признаку. Конфликт между Сербией, с одной стороны, Словенией и Хорватией – с другой, нашел выражение в войне в Хорватии (1991 г.), затем Боснии и Герцеговине (1992 г.), вооруженных действиях в Косово (1988 г.), бомбардировках Сербии, а затем распространении вооруженного конфликта на Македонию⁹.

Учитывая наличие в современной Европе центробежных и центростремительных процессов, можно задать вопрос: не стимулирует ли региональная политика ЕС трансформацию «Европы государств» в «Европу регионов», удастся ли удержать тенденцию регионализации в мирном русле, или она вызовет рост сепаратизма и экстремизма? Не получится ли так, что регионализация в какой-то момент перерастет в создание новых государственных образований, опасных для стабильности как Западной, так Восточной Европы? Существует серьезная опасность того, что региональные движения потребуют перекройки государственных границ или как минимум большей федерализации с фактической независимостью от центра. Так, под угрозой может оказаться территориальная целостность многих стран Западной Европы. Помимо испанских провинций это Северная Ирландия, Шотландия, Бретань, Падания, Канарские и Азорские острова, Сардиния и Корсика. Их «центробежность» не настолько сильна, чтобы вылиться в настоящую национально-освободительную борьбу, но достаточно живуча, чтобы подпитывать сепаратистов-террористов.

В Восточной Европе же, в частности после провозглашения Косово своей независимости, все чаще говорится о проектах Великой Албании и Великой Сербии (главная цель которых заключается в объединении своего народа, разделенного между пятью странами), которые могут стать прообразом агрессивных режимов и источником новых войн на Балканах.

Следует отметить, что региональная политика ЕС не провоцирует, а наоборот, в значительной степени создает экономические и политические предпосылки для урегулирования существующих этнотерриториальных конфликтов. Именно Европа с множеством ее «проблемных» регионов вырабатывает сейчас некий алгоритм цивилизованного решения проблемы сепаратизма. И есть определенные результаты, например недавно Ирландская республиканская армия сложила оружие. Это

⁹ Медушевский, А. Европейская интеграция: механизмы взаимодействия // Вестник Европы. – 2006. – № 17 // Интернет-ресурс. Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/vestnik/> (Medushevsky, A. European integration: interaction mechanisms // Bulletin of Europe. – 2006. – No. 17 // Internet resource. Accessed: <http://magazines.russ.ru/vestnik/>).

не значит, что сепаратисты отказываются от борьбы за отделение Северной Ирландии от Великобритании, но ИРА официально объявила о переходе к чисто политическим методам деятельности. К такому же решению, по всей видимости, склоняется и ЭТА – террористическая организация, борющаяся за независимость Страны Басков от Испании. По крайней мере, недавно она объявила перемирие и по некоторым вопросам даже вступила в контакт с правительством Испании.

Почему такая тенденция возникает именно в Европе? Очевидно, потому, что в ЕС у регионов (будь то субъекты федераций или даже просто административно-территориальные единицы государств) особый статус. В частности, благодаря расширяющейся региональной политике ЕС европейские регионы входят в трансграничное политико-правовое пространство – «Европу регионов» – и обладают правом вступать во взаимоотношения со всеми прочими субъектами европейской политической системы, практически минуя национальное правительство (в Восточной Европе эта тенденция пока еще недостаточно сильна). Создаются также «еврорегионы» – экономико-политические объединения нескольких регионов из разных государств Европы. Все эти возможности предоставляет регионам складывавшийся веками европейский федерализм. И это неспроста, ведь многие регионы Европы (как части государств) имеют более древнюю историю и прочную общность, чем сами государства, в состав которых они входят. Их границы, политическое устройство и этнокультурное пространство более постоянны, чем государственные.

Итак, несмотря на кажущийся антагонизм понятий наднациональности и субнациональности, интеграции и дезинтеграции, в европейской интеграционной политике они являют собой противоречивое единство. Однако отсутствие четкого разграничения компетенций между тремя уровнями (европейским, национальным и региональным), стремление государств-членов сохранить за собой приоритет в определении полномочий институтов Евросоюза и понимание того, что регионы в полной мере не в состоянии взять на себя функции государства, делают маловероятным то, что будущая Европа будет состоять из многочисленных самостоятельных регионов¹⁰. Так или иначе, процесс интеграции и регионализации в Европе уже необратим, и поэтому актуальным является поиск приемлемых моделей сотрудничества, учитывающих интересы всех трех сторон – регионов, государств и надгосударственных институтов ЕС.

Евросоюз – не «федерация государств»

Федералистские идеи и сам дух федерализма всегда были частью европейской конструкции. Тем не менее, исходя из классического понимания федеративного устройства, можно однозначно утверждать, что ЕС – не «федерация государств».

Жак Делор, бывший председатель Европейской Комиссии, выдающийся архитектор европейской интеграции, определил ЕС как «неопознанный политический объект». Действительно, любые попытки четко классифицировать институциональное выражение европейского интеграционного процесса как федерацию, межгосударственное объединение или международный режим весьма уязвимы для критики. Среди европейских политиков и экспертов не прекращаются споры по вопросу, какие же черты в конечном итоге приобретет Европейский союз – феде-

¹⁰ Хохлов, И. И. Субсидиарность как принцип и механизм политики Евросоюза // Интернет-ресурс. Режим доступа: <http://www.nationalsecurity.ru/library/00018> (Khohlov, I. I. Subsidiarity as a principle and the mechanism of the European Union policy // Internet resource. Accessed: <http://www.nationalsecurity.ru/library/00018>).

ративные или конфедеративные. Как пишет исследователь Бургас, «конфедеративные черты, присущие ЕС, очень подозрительно напоминают черты федерализма». Другой исследователь, Вальтер Хольштейн, свое мнение о ЕС высказывает еще более определенно: «ЕС не федерация и не конфедерация. Это законодательный и конституционный гибрид».

Неоспоримы достижения европейской интеграции на пути к «федерации государств», но все более очевидно состояние системного кризиса проекта Евросоюза, который может привести к качественным изменениям всей политико-экономической модели. Этот кризис, разразившийся после провала проекта Конституционного договора для Европы на референдумах, в значительной степени обусловлен отсутствием единой ориентации и общего видения единой Европы. Системный кризис, в котором оказался проект европейской федерации и который не дает нам основания четко классифицировать ЕС как полноценное федеративное образование, можно охарактеризовать с точки зрения концептуальных, внешнеполитических и внутривнутриполитических аспектов.

Начнем с концептуального аспекта, который в первую очередь связан с расхождением в идеологических подходах Франции и Германии к европейскому строительству. Следует признать, что объективно ключ от будущего «объединенной Европы» находится в руках Парижа и Берлина. Успех интеграции на протяжении всей истории объединения зависел от интенсивности и глубины немецко-французской кооперации. И сегодня без «концерта» своих первых держав объединенная Европа не сможет стать самостоятельным полюсом силы, не сможет выстроить достаточно сильную и эффективную политическую, экономическую и социальную систему, не сможет добиться успеха ни в одном из направлений своей деятельности. То есть необходимы «конвергенция двух стран, прежде всего в политических и социально-экономических вопросах, нахождение общности в сфере идеологии, сближение подходов к внутренней и внешней политике, национально-государственному строительству»¹¹.

Исходя из проводимой нынешним правительством Германии интеграционной политики, можно отметить, что немецкий подход к дальнейшему евростроительству заключается в стремлении к последовательному усилению структур Евросоюза, проведению достаточно гибкой и сбалансированной политики, нацеленной на строительство «общеевропейской Федерации», интегрирующей существующие региональные и национально-территориальные общности на основе принципа «единства в многообразии». То есть проект объединенной Европы, развивающийся в направлении к «федерации государств», по большому счету есть немецкая модель. Действительно, сегодняшняя Германия все активнее предлагает объединенной Европе базовые принципы собственной федеративной модели, среди которых – реальное самоуправление территорий, кооперативный характер отношений центра и регионов, субсидиарность, учет исторически сложившейся культуры и специфики и другие.

В противоположность этому Франция предлагает «рестриктивный подход» к процессу евростроительства, заключающийся в поддержке вертикальной и жесткой концепции политики и унитаризма в устройстве объединенной Европы.

¹¹ Бiryukov, С. Германия и Франция в объединенной Европе // Агентство политических новостей. – 2008. – 23 ноября // Интернет-ресурс. Режим доступа: http://www.apn-nn.ru/pub_s/1567.html (Biryukov, S. Germany and France in the united Europe // Agency of political news. – 2008. – On November 23 // Internet resource. Accessed: http://www.apn-nn.ru/pub_s/1567.html).

Весьма болезненным оказывается расхождение двух стран во внешнеполитической сфере, что ясно проявилось в отношении двух правительств к ряду международных военных конфликтов. Взвешенный и разумный подход Германии во внешней политике, при внешней лояльности «атлантистской системе» последовательно продвигающей свои европейские интересы, существенно контрастирует с проамериканской внешнеполитической стратегией Франции, вызывающей неоднозначную реакцию во всей Европе¹².

Европейский федерализм и внешняя политика являются одной из серьезнейших проблем, на которой необходимо остановиться. Вопрос об общеевропейской внешней политике высвечивает проблемы, нерешенность которых не позволяет ЕС стать действенным политическим союзом государств. «Многоуровневый» ЕС также предполагает «многоуровневую» внешнюю политику с вытекающими из этого слабостями – множественностью центров принятия решений и конкуренцией приоритетов и национальных интересов государств-членов. С точки зрения системного анализа внешняя политика ЕС может быть представлена как сочетание трех подсистем: европейских сообществ (внешнеэкономическое измерение), Евросоюза (политическое измерение) и политик государств-наций, входящих в ЕС. Внешняя политика ЕС в ее нынешнем виде является не единой, но именно общей. Если первая предполагает полную интегрированность и наднациональность, «единый голос» и автоматическое согласование позиций в международных отношениях, то вторая – координацию и гармонизацию внешних политик, генерируемых различными политическими системами, входящими в ЕС. Даже учреждение поста Верховного представителя ЕС по внешней политике не придало ей одно лицо и один голос¹³.

Существенным является механизм принятия внешнеполитических решений ЕС. Так, еще в 90-е гг. в соответствии с Маастрихтским договором вопросы внешней политики и политики безопасности, а также сотрудничество в области внутренней политики и юстиции были оставлены за пределами полномочий европейских структур. Если вопросы общего рынка находятся в ведении ЕС, то есть суверенитет (в смысле принятия решений) уже передан на наднациональный уровень, то внешнеполитические вопросы и политика безопасности разрабатываются и осуществляются на принципах межгосударственного сотрудничества, решения принимаются в большинстве случаев единогласно, так что любая страна-член ЕС может заблокировать решения. Суверенитет, следовательно, остается на уровне национальных государств, в то время как политический союз (федеративное объединение) предполагает отчуждаемость внешнего суверенитета государств-членов в пользу союзных институтов. Отсутствие у государств-членов ЕС согласованной политической воли сделать конкретные шаги в этом направлении очевидно.

Парадокс глобализации «по-европейски» заключается в том, что масштабность подхода к глобализации, декларируемая США, не приводит в действительности к сколько-нибудь существенным трансформациям современных социальных отношений, оборачиваясь банальной гегемонией страны-лидера. При этом именно интегрирующаяся Европа хочет показать себя некой территорией «жизненного мира» человека, пространственной формой, остающейся последним прибежищем

¹² Там же. (Ibid.)

¹³ Закржевская, О. Г. Мировой порядок: однополярность или многополярность? Взгляд из Европы и США // Казахстан-Спектр. – № 2(28). – 2004. – С. 45. (Zakrzhevskaya, O. G. World order: unipolarity or multipolarity? A view from Europe and the USA // Kazakhstan-Spectrum. – No. 2(28). – 2004. – P. 45).

«внутреннего мира» человеческого существа, географической областью, где и поныне господствуют мораль, право и культура¹⁴.

Важно отметить, что довольно критическое по отношению к американской модели глобализации восприятие общеевропейских процессов рождается в континентальной Европе и представляет собой своеобразную континентальную альтернативу англосаксонским представлениям о всемирной интеграции, целиком укладываемым в схему нового мирового порядка. Именно поэтому важным аспектом данной проблемы является геополитическая разобщенность Европы: европейские страны, будучи объединенными в пределах ЕС, не едины, Европа фактически разделена на «старую», исходящую из европейских интересов (Германия, Франция и в меньшей степени Италия), и «новую» Европу (Восточная Европа, примкнувшая к Великобритании), придерживающуюся проамериканского вектора.

Серьезным является и внутривнутриполитический аспект системного кризиса ЕС, ставший на сегодняшний день наиболее болезненным и труднопреодолимым препятствием в построении Европейской федерации. Внутриполитическое измерение кризиса заключается как минимум в четырех проблемах стратегического характера, решение которых пока не просматривается:

- существенное ослабление качества и эффективности управления на уровне ЕС. В результате беспрецедентного по масштабам расширения 1995–2007 гг. общие институты (Совет ЕС, Европейская Комиссия, Европарламент) перешли пределы собственно эффективности в качестве инструментов согласования интересов стран-членов;

- отсутствие даже приблизительного общего видения стратегических целей развития европейского проекта (ЕС достиг всех основных целей, не вступающих в противоречие с базовыми суверенными правами стран-членов, тогда как официальная декларация «федерации государств» в качестве конечной цели евроинтеграции означала бы неизбежность лишения национальными государствами суверенитетов);

- низкая экономическая эффективность преобладающей ныне модели развития большинства европейских стран;

- снижение уровня доверия в отношениях между странами-членами, с одной стороны, странами и наднациональными органами ЕС – с другой. Одним из проявлений этой тенденции является «дефицит демократии» – отстраненность граждан ЕС от процесса принятия все большего спектра политических и экономических решений¹⁵.

Одной из болезненно проявляющихся проблем ЕС является то, что принятие решений на наднациональном уровне происходит не в рамках демократической процедуры, установившейся в отдельных европейских государствах, то есть представительная демократия в странах-участницах союза не воссоздается на общеевропейском уровне параллельно с перемещением на данный уровень политических прерогатив. Жан-Поль Фитусси, поднимая вопрос об агентуре суверенитета, отмечает, что понятие национального суверенитета выхолащивается, а концепт европейского суверенитета не заполняется должным содержанием. В результате управление Европой осуществляется как «управление по правилам», а не как «управление по выбору», то есть власть практически переходит к бюрократии. При этом, как

¹⁴ Gürlesel, C. F. *Avrupanın 2050 geleceği: bir çöküş hikayesi mi, gücün yeniden keşfi mi?* // *Global Politik*. – 2005. – Cilt 179, Sayı 168. – S. 75.

¹⁵ Мир вокруг России: контуры недалекого будущего / отв. ред. С. А. Караганов. – М., 2007 // Интернет-ресурс. Режим доступа: <http://www.mideast.ru/384/37093> (The world around Russia: Contours of the near future. Ed. by S. A. Karaganov. – Moscow, 2007 // Internet resource. Accessed: <http://www.mideast.ru/384/37093>).

утверждает Фитусси, «независимость экономической политики ЕС от всякого демократического процесса полностью порывает с политической традицией европейских народов и вредна для экономической эффективности ЕС в целом»¹⁶.

Важным аспектом является проблема европейской идентичности. Пока трудно говорить о какой-либо европейской идентичности как сформировавшемся и устойчивом явлении. Без сомнения, миллионы граждан Евросоюза ассоциируют себя с Европой и осознают культурные, психологические, политико-правовые и прочие отличия своих обществ от исламских стран, дальневосточного мира или США. Однако, во-первых, европейцами считают себя и многие из живущих за пределами ЕС – некоторые народы стран СНГ, Балкан и даже Турция. Евросоюз вряд ли вправе претендовать на монополию «европейскости», хотя в массовом сознании понятия «Европа» и «Евросоюз» в последние годы стали почти синонимами. Во-вторых, даже «стопроцентные» европейцы вроде французов и немцев или голландцев по-прежнему ассоциируют себя скорее своими государствами, народами и культурой, нежели с наднациональными институтами ЕС¹⁷.

Тем не менее, «еврооптимисты» по-прежнему считают возможным создание Европейской федерации – мечты подавляющего большинства сторонников «единой Европы» в 1940–1950-е гг., в том числе Монне, Шумана и Аденауэра. Идея федерации незримо присутствует и в проекте Европейской конституции: здесь зафиксирован официальный статус «европейского гражданства», учреждена должность министра иностранных дел Евросоюза, значительно расширена сфера, в которой решения принимаются не консенсусом, а большинством голосов. Но при всем при том, исходя из общего состояния интеграционного процесса в Европе, можно заключить, что вероятность возникновения Европейской федерации с общим правительством, парламентом, общеевропейскими политическими партиями и избираемым президентом в обозримом будущем низка. Не исключен вариант, что ЕС будет эволюционировать в сторону торгово-экономического (включая валютный союз) объединения с элементами политического сотрудничества между странами и группировками. При этом социальная политика, энергетика и оборона останутся на сугубо национальном уровне. Бывший заместитель председателя Европейской Комиссии Леон Бриттен несколько лет назад открыто заявил, что не верит в «миф Европейской федерации» и надеется на эволюцию «в направлении свободных рынков и свободной торговли». Таким образом, появляется теоретическая возможность дальнейшего политического раскола ЕС при сохранении общего экономического пространства в базовых областях интеграции.

Существует и другой формат дальнейшего функционирования ЕС – «Европа разных скоростей», заключающийся в политико-организационном размежевании участников расширенного ЕС на две группы. Один из авторов этой теории Жак Делор выдвинул идею «европейского авангарда» в составе «шестерки основателей» плюс Испания, Португалия и Греция. Этот «авангард» создаст внутри Европейского союза «федерацию национальных государств», которая потянет за собой

¹⁶ Кустарев, А. Кризис государственного суверенитета // Интернет-газета «Полит.Ру» // Интернет-ресурс. Режим доступа: <http://www.polit.ru/research/2006/10/30/kustarev.html> (Kustarev, A. Crisis of the state sovereignty // Online newspaper 'Polit.Ru' // Internet resource. Accessed: <http://www.polit.ru/research/2006/10/30/kustarev.html>)

¹⁷ Шимов, Я. Евроутопизм и еврореакция. Будущий облик ЕС определится в ближайшие недели // Интернет-газета «Полит.ру». Интернет-ресурс. Режим доступа: <http://www.polit.ru/analytics/2005/05/04/europa.html> (Shimov, Ya. Euroutopianism and euroreaction. Future image of the EU will be defined in the next weeks // Online newspaper 'Polit.ru'. Internet resource. Accessed: <http://www.polit.ru/analytics/2005/05/04/europa.html>)

остальных участников. Реализация данных концепций означала бы разделение участников ЕС на тех, «кто равны», и тех, «кто равны больше других».

На самом деле, «Европа разных скоростей» уже существует. Единая валюта – евро – распространяется на 12 стран ЕС из 27, Шенгенская зона – на 14, а ограничения на рынке труда для граждан новых стран-членов союза сняли только 3 из 15 «старых» членов ЕС. Таким образом, степень интеграции европейских стран уже неодинакова, и это естественно, учитывая сохраняющиеся глубокие различия между ними¹⁸. Именно поэтому ускоренная федерализация ЕС, о которой мечтают сторонники евроконституции, в ближайшей перспективе маловероятна.

Очевидно, что корректировка идеологии европейской интеграции должна переосмыслить такие параметры и проявления кризиса, как идентичность, суверенитет, федерализм, центр и регионы, взаимоотношения между регионами¹⁹. В целом проект европейской интеграции не является статичным, абсолютным, он постоянно эволюционирует, и существующие интерпретации «гибридности» европейской конструкции на самом деле показывают необходимость формулирования совершенно новой дефиниции. Возможно, ЕС в его нынешнем облике можно было бы назвать конфедерацией нового типа, которая в ближайшей перспективе будет развиваться в конфедеративно-федеративном дуализме и континууме.

¹⁸ Шимов, Я. Указ. соч. (Shimov, Ya. Op. cit.)

¹⁹ Медушевский, А. Указ соч. (Medushevsky, A. Op. cit.)